ФИЛОСОФСКО-ФАНТАСТИИЧЕСКИЙ РОМАН

БА

Что, если самая невероятная тайна Вселенной
крывается не среди далёких звёзд, а совсем рядом с вам

Сергей Субботин

БА

«Автор»
2026

Субботин С. С.

БА / С. С. Субботин — «Автор», 2026

«БА» — философско-фантастический роман.Что, если самая невероятная тайна Вселенной скрывается не среди далёких звёзд, а совсем рядом с вами? В обычной подмосковной квартире живут две кошки. Белая Пуша уверена, что дом принадлежит ей. Чёрный Бася придерживается совершенно другого мнения. Они делят территорию, внимание хозяев и право спать на любимом диване. Обычная история. Почти. Иногда Басе снятся вещи, которым неоткуда взяться в кошачьей голове. Иногда знакомые слова пробуждают странные чувства. А некоторые вопросы лучше бы вообще не возникали. Но что, если самое невероятное объяснение — вовсе не самое страшное? И что, если однажды придётся усомниться не только в собственных воспоминаниях, но и в самой природе окружающего мира? Впрочем, сейчас у Баси дела поважнее. Пуша снова заняла его место на диване.

© Субботин С. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Нарушенный рай 5
Пролог. Последний рубеж 5
Глава 1. Незваный гость 12
Глава 2. Две кошки, одна квартира 17
Глава 3. Алиса и её кот 21
Глава 4. Чужой порядок 25
Глава 5. Обычная семья 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

БА

Часть I. Нарушенный рай

Пролог. Последний рубеж

На обзорном экране флагмана планета казалась почти мирной. За её спиной в беззвучной темноте висели сломанные пролёты Кольца Перехода — сооружения столь большие, что остатки одной опоры заслоняли целые облачные системы.

Сквозь разрывы облаков виднелись побережья; на севере медленно вращался циклон. На освещённой стороне Эллари ещё горели огни городов. Там, внизу, одиннадцать миллиардов четыреста миллионов существ проживали обычный день: кто-то опаздывал на смену, кто-то ждал детёныша из учебного центра, кто-то сердился из-за неисправного водопровода.

Иара Вейл заставила себя вспомнить об этом. На схеме обороны города были светящимися точками; слишком легко было забыть, что исчезнет вместе с каждой.

— Седьмая опора разрушена, — сообщил Астер. — До прорыва в центральный коридор восемь минут.

Голос Астера не дрогнул. Искусственный разум был распределён между корабельными системами и удалёнными станциями. Для разговоров он выбирал голос: Иаре так было привычнее.

— Эвакуация?

— Последний транспорт прошёл седьмой сектор. До шестого не дошёл. На ведущем судне сорок три тысячи пассажиров. Остальные следуют за ним.

Иара вывела на экран колонну. Гражданские суда шли по Кольцу Перехода — цепи опор, ещё недавно связывавших планету с дальними путями. Теперь между обломками уходили те, кто успевал покинуть Эллари. Над ними медленно поворачивались повреждённые фермы; на некоторых до сих пор горели посадочные огни для кораблей, которым уже некуда было садиться.

За спинами уходящих кораблей оставались планетарные верфи, где поколения строили маршруты для мирных рейсов. Теперь их сигнальные огни один за другим уходили в аварийный красный. Из эвакуационной колонны поступали просьбы не о победе — о свободном проходе и десяти минутах времени.

Один транспорт отставал. Двигатели работали с перебоями, на повреждённом борту мигал знак медицинской службы. Из пробоины медленно выходил белый туман — замерзающий воздух, вытянутый в пустоту.

— Соедините меня с «Рысью».

— Каэл Рин на связи, адмирал.

Молодой командир появился на отдельном экране. Подвижные перепонки между длинными пальцами сжались на краю пульта; позади него то вспыхивали, то гасли сигналы тревоги.

— Выведите колонну к шестой опоре, — сказала Иара. — Без ненужного боя.

— У нас с неприятелем разные представления о необходимости.

— Тогда постарайтесь, чтобы ваше представление оказалось убедительнее.

Каэл усмехнулся и отключился.

«Рысь» двинулась наперерез атакующим кораблям. За её крошечным маркером разворачивался флот Конкордата: тяжёлые носители закрывали собой свет звезды, автономные платформы шли слоями, как чешуя на огромном теле, между ними вспыхивали беззвучные росчерки дальнобойных батарей. Эллари оборонялась девятнадцать лет. Дети, выросшие за это

время, не помнили мирного неба. Иара так и не привыкла решать за несколько минут судьбу миллиардов.

* * *

На «Рыси» не было времени наблюдать за красивыми взрывами. Там не было и взрывов в привычном смысле: на внешних экранах беззвучно расходились облака раскалённого металла, а внутри корабля звенели зубы от работы маневровых двигателей.

— Три преследователя слева, — сообщила Мер. — Нет, четыре. Последний идёт без излучения.

— Вижу.

— Не мог видеть. Я только что его обнаружила.

— Значит, теперь и я вижу.

Навигатор коротко выдохнула и длинными перепончатыми пальцами перенесла на экран новый маршрут. На мгновение один из тонких суставов запнулся о повреждённый край панели; Мер даже не посмотрела на ссадину.

«Рысь» была разведывательным кораблём, созданным для быстрого отхода, а не для боя с тяжёлыми носителями. Шесть членов экипажа, узкий корпус, за которым в темноте тянулись две светящиеся струи повреждённой плазмы, оружия на считаные секунды — и один шанс прикрыть отстающий транспорт.

Мер вывела на обзор не всю битву, а только ближайшие километры. Между двумя столкнувшимися гигантскими кораблями «Рысь» выглядела пылинкой. На обшивке одного из гигантов ещё мигали аварийные прожекторы; другой разваливался так медленно, будто падал огромный город.

— Он теряет ход, — сказала Мер. — Если прикроем его, остальные уйдут. Если не прикроем, он останется здесь один.

Каэл видел повреждённое судно на схеме. В медицинских отсеках гасли палубы одна за другой; из последнего уцелевшего передатчика шёл запрос на кислород. Ещё вчера его пассажиры надеялись переждать наступление дома.

— Прикроем.

— Зарядов на тридцать семь секунд.

— Хорошо, что ты посчитала.

— Я сообщаю тебе плохие новости.

— А мне нравится знать, сколько у нас есть времени.

«Рысь» нырнула между обломками платформы. Через обзорную проекцию мимо прошла стена размером с горный хребет: ярусы доков, вывернутые наружу коридоры, цепь огней на осиротевшей посадочной палубе. Два преследователя сбились с курса, третий выпустил веер снарядов. Мер провела корабль так близко к разрушенному узлу, что наружное изображение погасло; ударные датчики на мгновение приняли рваный край металла за столкновение.

Удар сдвинул Каэла в кресле. Ремни больно врезались в грудь, по полу разлетелись крепления сорванной панели. Снаружи не было слышно ни звука; внутри каждый новый толчок отзывался гулом по всему корпусу.

— Радиатор повреждён. Реакторы придётся глушить через двадцать две секунды, — сказала Мер.

На открытом канале связи кричали с пассажирского корабля: просили не менять траекторию, пока не закрепят носилки. Затем вместо голоса прозвучало автоматическое предупреждение о пожаре. Каэл смотрел на красную точку транспорта, будто мог удержать её на экране одним взглядом.

Каэл вспомнил мать. Она руководила эвакуационным пунктом на побережье и два дня назад прислала запись: не хватает воды, малыши уже выучили названия всех сирен. На послед-

нем кадре она тревожно сложила пальцы, как делала в детстве, когда он возвращался с ушибами. Напоследок она велела ему есть вовремя.

Сейчас ему хотелось спросить, успела ли она на транспорт. Он не спросил. Ответ всё равно не изменил бы того, что требовалось сделать.

— Уведи колонну вверх от плоскости Кольца, — приказал он Мер.

— Там их разорвёт приливным градиентом.

— Наше защитное поле примет часть нагрузки.

Она посмотрела на него. Не на схему — впервые за весь бой на него.

— Тогда нам его не хватит.

— Я знаю.

Мер передала маршрут.

Пассажирские суда медленно уходили вверх, прочь от плоскости Кольца. «Рысь» раскрыла защитное поле шире, чем позволяли инструкции: в обзорной проекции оно выглядело тонкой светящейся плёнкой, натянутой между маленьким кораблём и огромным потоком транспортов. Каэл удерживал его, будто подпирал собой дверь, через которую ещё уходили пассажиры. На другом конце коридора батареи Конкордата отмеряли новые залпы. Двигатели перегревались; на экране вспыхивали аварийные сигналы.

У дальней опоры маленькие красные метки пропадали из колонны. Каэл запрещал себе считать их кораблями: это были жизни, которым его корабль не сумел дать ещё одну секунду. Когда на последнем медицинском транспорте снова зажёгся ходовой огонь, он впервые за бой выдохнул.

Последний транспорт наконец начал отходить от шестой опоры.

В этот момент пятый преследователь нанёс удар в левый борт.

* * *

На мостике маршала были только модели, отчёты и прогнозы, очищенные от огня, страха и крови. При каждом новом расчёте тонкие роговые пластины вдоль его скул чуть расходились, открывая узкие дыхательные щели. Каждая точка обозначала принадлежность, скорость, остаток топлива и вероятность возвращения в строй. Если увеличить изображение, корабль превращался в палубы и отсеки; Севар редко это делал.

— Гражданская колонна ещё в шестом коридоре, — доложил начальник штаба. — Нужен повторный удар по стабилизатору.

— Там пассажирские суда.

— Не наши.

Севар повернул голову. На шее едва слышно сомкнулись сухие роговые пластины.

— Благодарю. Без этого уточнения я бы не разобрался.

Офицер замолчал.

На четырёх мирах Конкордата разрушалась сеть жизнеобеспечения: пустели накопители воды, замолкали насосы, погибали урожаи под защитными куполами. Кольцо Эллари могло дать им несколько лет на собственное спасение. Союз предлагал помощь, но не контроль над Кольцом; Совет Конкордата отказывался зависеть от чужого милосердия.

В отчётах Совета всё выглядело непреложно. В сообщениях с родных планет семьи спрашивали, когда снова заработают учебные центры. Севар давно перестал делить войну на добрых и плохих.

Переговоры длились дольше, чем некоторые дети успели прожить.

Теперь маршал должен был захватить Кольцо. Оставалось только решить, сколько чужих жизней ему позволено поставить под угрозу ради своих.

— Если подождём четыре минуты? — спросил он.

— Эллари восстановит защиту. Мы потеряем преимущество и, вероятно, три тяжёлых корабля. Повторного наступления не будет.

Севар снова посмотрел на долгосрочный расчёт. Захват Кольца не гарантировал спасения Конкордата — только покупал время. Если отдать приказ сейчас, разрушение шестой опоры может перекинуться на энергетические узлы у побережья: целые города чужого мира останутся без транспорта, воды и света. Штаб называл это допустимым сопутствующим риском. Если упустить проход, его собственные миры могли не дожить до следующего урожая.

— Предупреждение гражданским передали?

— Дважды. Они не меняют курс.

— Не успевают, — тихо поправил Севар.

Он задержался на мгновение, потом произнёс:

— Ударить по стабилизатору. Снизить мощность. Прекратить огонь, как только контур потеряет устойчивость.

— Подтверждаете риск для транспортов?

— Подтверждаю, что он есть. Выполняйте.

На схеме появилась тонкая светлая линия. В вычислительном зале никто не поднял голоса. Маршал не видел, какие лица в этот момент повернулись к потолкам пассажирских отсеков; только цифра «вероятные потери» изменилась с нуля на значение, которое штаб немедленно округлил. На соседнем экране появилась ещё одна строка: «риск системного разрушения береговых городов». Её пока никто не прочёл вслух.

На другой стороне системы врач, не знавший имени маршала, перепончатыми пальцами затягивал ремни на носилках и просил капитана не менять курс: в отсеке ехали дети после операции. Схема Севара не показывала ни ремней, ни рук врача — только неизменяющуюся скорость цели.

* * *

— «Рысь» не отвечает, — сообщил Астер.

Иара не спросила, погиб ли экипаж. Пока ответа не существовало, всякая попытка его получить была бы просьбой о выдуманном утешении.

— Сколько транспортов ушло?

— Две трети. Остальные ещё в зоне поражения. До разрушения шестой опоры девяносто четыре секунды.

— Гравитационные батареи?

— Уничтожат передовой эшелон Конкордата. Одновременно двадцать семь гражданских судов попадут под удар.

— Ты говоришь так, будто у нас есть выбор.

— Есть.

Астер показал другой вариант: сместить опоры Кольца, чтобы наступающие корабли потеряли рассчитанные траектории. На экране десятки световых дорожек расплелись и разошлись в стороны, как нити в разжатой ладони. Прямого уничтожения можно было избежать, но защита над населённым полушарием почти на минуту откроется.

— Если маршал увидит проход, он сможет ударить по городам, — сказала Иара.

— Сможет.

— А вероятность?

— Недостаточно данных. До сих пор он не атаковал населённые области напрямую. Сегодня его огонь впервые прошёл рядом с гражданской колонной, а удар по опоре способен оставить без воды и энергии обитаемое побережье.

Иара посмотрела на светлый край океана под облаками. Наклонённые небоскрёбы приморского города проходили вдоль линии терминатора, словно всё население планеты стояло на самом краю ночи. Здесь она выбирала между вероятностями; там, внизу, никто не выбирал, под чьим расчётом окажется его дом.

— Почему ты предлагаешь именно это?

— На кораблях Конкордата есть экипажи, которые не выбирали войну, и автономные разумы, которые не определяли её цели. Разрушив корабли, мы отнимем у них все остальные исходы. Мой вариант опасен, но оставляет возможность остановиться.

— Или даст возможность убить наших.

— Да.

Иара рассердилась от его спокойствия. Астер не собирался решать за неё: он назвал неизвестное и оставил выбор командующей.

Она вспомнила Каэла, который ушёл спасать незнакомые ему жизни, прекрасно понимая цену приказа.

— Готовь опоры.

— Нужен сигнал подтверждения из шестого сектора. Главный канал разорван.

— Другого нет?

На схеме едва заметно вспыхнула точка.

— «Рысь», — произнёс Астер. — Или оставшийся от неё передатчик. Сигнал едва заметен. Другого подтверждения у нас нет.

* * *

Каэл вернулся в сознание от запаха горячего полимера. Собственные пальцы не сразу послушались: тонкая перепонка между двумя была рассечена о край консоли.

Половина приборов не горела. В отсеке висел едкий дым, но вентиляция почти не работала. Мер сидела боком, придерживая руку. Вдоль переборки медленно катился осколок прозрачного экрана — искусственная тяжесть отказывала. Корабль дрейфовал без основных двигателей, но изображение пассажирских судов ещё держалось.

— Они ушли? — спросил Каэл.

— Не все.

Из разорванного канала связи прорывались обрывки голоса Астера: «шестая опора», «новая последовательность», «подтверждение». Мер поняла первой.

— Они перестраивают Кольцо. Если мы передадим команду отсюда, по нам будут стрелять.

— По нам и так стреляли.

— Защиту придётся отдать передатчику. Потом не останется энергии даже на отход. И удерживать температуру в отсеке будет нечем.

В тёмном экране Каэл увидел своё отражение: грязь над височным гребнем, тёмную кровь у надбровной складки, испуганные глаза. Ему хотелось жить, вернуться домой и узнать, добралась ли мать до транспорта. От этого выбор не становился легче.

— Хватит энергии на длинное сообщение?

Мер несколько секунд считала.

— На одно.

Он включил канал.

— Флагман, это «Рысь». Принимаем последовательность. Подтверждение передадим.

— Каэл, после передачи уходите, — приказала Иара.

— Постараемся.

Он не уточнил, на чём.

Кольцо на тактической схеме начало смещаться. Каждая опора была величиной с город и обычно казалась неподвижной; теперь по краям коридора медленно менялись расстояния между миллионами огней. Первыми изменение заметили навигационные системы Конкордата: корабли одновременно попытались скорректировать траектории. Севар Дорн поднялся с кресла.

— Они открывают планетарный сектор, — сообщил штабной офицер. — Можем ударить.

Город на побережье высветился одной точкой. Маршал посмотрел на неё — и на вторую схему, где транспортная сеть, ради которой шла война, входила в непредсказуемый режим. Ещё один залп мог обрушить всю прибрежную систему жизнеобеспечения. Неизбежным этот залп не был; приказ оставался у него.

— Приготовить дальние батареи, — начал он.

И тут на всех обзорных системах одновременно потемнела звезда. Не погасла — перед ней прошло нечто, для чего у приборов не нашлось даже условного масштаба.

Сначала Севар решил, что вышли из строя датчики. Но на независимых изображениях одна за другой возникли три исполинские дуги. Между ними оставались узкие полосы звёздного света. По сравнению с ними опоры Кольца, за которые сражались флоты, казались временными мостками. Звезда словно распалась на части.

— Чьи объекты? — спросил маршал.

— Неизвестно. Перехода в систему не зарегистрировано. Разгона не было. Они просто появились.

На флагмане Союза Астер показал те же изображения Иаре. Дуги не отражали свет, не излучали сигналов. Опоры Кольца одна за другой переставали отвечать; привычные координаты расходились с показаниями датчиков. На тысячах кораблей одновременно сработали оповещения об ошибке навигации, но никто не мог указать, в чём состояла ошибка.

— Конкордат? — спросила Иара.

— Их системы дезориентированы не меньше наших. Я не могу определить происхождение объектов, принцип движения и даже уверенно оценить размеры.

Оба флота впервые за девятнадцать лет перестали следить друг за другом. По боевым каналам ещё проходили приказы, но один за другим обрывались на полуслове. Теперь все смотрели туда, где звезда должна была оставаться видимой.

Иара услышала, как на мостике кто-то невольно перестал дышать. Астер молчал; впервые за всё сражение у него не было ни расчёта, ни вопроса, на который он мог бы честно ответить.

Одна из дуг медленно раскрылась. В тёмном промежутке возникла полоса света — настолько ровная и спокойная, будто за ней не существовало ни войны, ни разрушенного Кольца.

— Ты же обещал, что в выходной займёшься ванной.

Голос прозвучал совсем рядом.

— Секунду, — попросил папа. — Здесь самое интересное.

— У нас тоже самое интересное, — сказала мама. — Под ванной шов отошёл, вода затекает внутрь, там уже плесень. Если сегодня не купим герметик, снова неделю будем собираться.

Папа задержал палец на пульте. На экране тёмная дуга продолжала раскрываться, и уже нельзя было определить, корабль это, сооружение или что-то совсем другое.

— А если я досмотрю ещё пять минут?

— Пять минут назад ты просил те же пять минут.

Он нажал на паузу.

На экране возникла полоса воспроизведения и название фильма — «Последний рубеж». В чёрном стекле отразились три окна кухни-гостиной, двор и дома в Мытищах. Папа остановил фильм как раз там, где неизвестные объекты, превосходящие целые флоты, начинали открываться навстречу друг другу. За окном у подъезда кто-то безуспешно заводил машину.

— Ты представляешь, как это обидно? — сказал папа. — Они наконец показали третью силу.

— Зато у нас пока не показалась третья протечка. Пойдём, я покажу, где отклеилось.

Из спальни вышла пятилетняя Алиса с пластилином на ладони.

— Пап, ты куда?

— Спасать ванную.

— Она тонет?

— Пока ещё нет. Но у неё тревожные признаки.

Алиса оглядела коридор с серьёзностью, которую взрослые обычно оставляли для больших неприятностей.

— Тогда возьми полотенце.

Папа встал, пошёл за мамой и увидел потемневший шов под бортиком. Она показала, где собирается вода; он потрогал отошедшую полоску, сделал фотографию для магазина. С ремонтом и правда было нельзя тянуть. Жаль, конечно, что именно сейчас.

Через несколько минут звякнули ключи. Папа спросил, не купить ли заодно крепёж, и услышал привычное: сначала бы не забыть герметик. Он открыл входную дверь.

Пуша вытянулась в солнечном пятне. В отличие от героев фильма, ей не требовалось спасать мир: достаточно было вовремя услышать шаги в прихожей и выбрать место, откуда хорошо видны обе двери.

Пуша открыла глаза раньше, чем щёлкнул замок. Звякнули ключи, зашуршала куртка, из прихожей потянуло воздухом подъезда. Обычно на такие звуки она лишь поворачивала ухо: люди уходили, возвращались, приносили с собой улицу. На этот раз папа освободил диван совсем скоро после того, как устроился перед телевизором.

В глубине квартиры мама переставляла что-то на кухне. Алиса шуршала бумагой. Ничего опасного не происходило, а свободный диван обещал ещё одно удобное место.

Глава 1. Незваный гость

Пуша следила за ним из солнечного пятна на подоконнике. Для этого приходилось немного повернуть голову: автомобиль стоял у соседнего подъезда.

Папа уже уехал в Москву. Вчера он привёз герметик, уплотнитель и средство от плесени, но мама решила сначала просушить шов. Фильм остался недосмотренным. Голубь вернулся, и Пуша могла спокойно дремать у окна; если за стеной гудел лифт, это ещё не означало, что кто-нибудь войдёт.

— Пушенька! Ты только посмотри!

Пятилетняя Алиса держала между ладонями фигурку из пластилина. У фигурки было четыре разноцветные лапы, длинный хвост и столько ушей, сколько девочка успела прикрепить до завтрака.

— Это ты. Я почти всё закончила. Только усы не умею делать.

Пуша понюхала изделие. Оно пахло пальцами ребёнка и вчерашними конфетами. Увидев, как Алиса начинает наклоняться над ней, кошка заранее подобрала лапы.

— Можно тебя обниму?

Пуша отвела голову.

— Ну совсем немножко! Я же люблю тебя.

Девочка протянула руки, но из кухни раздался мамин голос:

— Алис, она сейчас не хочет.

— Но я ещё ничего не сделала.

— Она как раз заранее предупреждает. Попробуй просто подождать.

Алиса посмотрела на Пушу, потом на свои протянутые руки. Медленно опустила их, хотя очень хотелось обнять кошку именно сейчас, а не когда-нибудь потом. Девочка поставила рядом пластилиновую фигурку и некоторое время придерживала её, чтобы не завалилась набок.

— Хорошо. Тогда познакомься со своей копией.

Пуша коснулась носом пластилинового хвоста. Тот согнулся. Алиса пришла в восторг.

— Мам! Она её узнала!

— Может, ей просто интересно, чем пахнет пластилин.

Это объяснение показалось девочке недостаточно красивым. Она убежала за тонкими бумажными усами. Пуша проводила её взглядом, отвернулась и снова устроилась у окна.

До появления Алисы кошка успела вылизать грудь; теперь в комнате повсюду лежали карандаши. Пуша выбрала путь к кухне, на котором можно было никого не задеть. Она спрыгнула с окна, осторожно обошла пластилиновую голову, потёрлась щекой о мамину голень и, получив несколько поглаживаний, сама отошла.

Пуша жила здесь почти год. До этого её хозяин часто уезжал, а потом папа увидел объявление и забрал кошку домой. Теперь она знала распорядок по звукам: мама рано открывала кухонные шкафчики, Алиса шлёпала босыми ногами и шуршала рисунками, а папа вечерами долго возился у двери, прежде чем снять тяжёлые ботинки.

Пуша подходила за лаской сама и уходила, когда надоедало. Люди не всегда сразу понимали эти простые движения.

Места в квартире было не так много. В общей кухне-гостиной стояли и обеденный стол, и диван, и Алисина коробка с рисунками. Спальню делили втроём. Даже поход от подоконника к миске иногда требовал обойти чей-то стул или оставленную игрушку. Пуша хорошо знала удобные маршруты и проходила их даже в сумерках.

Она вернулась на окно, когда мама вдруг остановилась у стола с телефоном.

— Ой, бедняжка.

— Кто? — Алиса выскочила из-за своего рисунка.

Мама повернула телефон к дочери. В домовом чате выложили фотографию: возле стены на лестничной площадке сидел крохотный чёрный котёнок, почти не больше ладони по сравнению с попавшим в кадр ботинком. На снимке было видно одно особенно большое ухо и тонкую лапку, прижатую к холодному полу.

— Пишут, пищит давно. Не знают, чей.

Алиса забралась на стул.

— Он же совсем один! Это наш?

— Не знаю, чей. Может, потерялся. Я спущусь, покормлю и поспрашиваю соседей.

— А потом принесёшь?

— Покормить и принести — разные вещи.

— А если он попросит?

— Посмотрим сначала, ищут ли его.

Мама перечитала сообщения. Никто не отозвался, никто не написал, что забрал малыша. Она достала небольшую миску и открыла пакетик корма, которым обычно баловали Пушу.

Пуша повернула уши на знакомый звук открывающегося пакетика. Её миска стояла на обычном месте и оставалась пустой. Кошка подняла голову, посмотрела сначала на маму, потом на миску.

— Папа разрешит? — спросила Алиса.

— Папа об этом пока ничего не знает.

— Тогда я ему объясню, что котёнок один.

Мама не улыбнулась. В квартире едва хватало места, у Пуши были свои привычные дороги и места отдыха, а папа приезжал поздно. На столе остались незаконченные карточки для занятий — она собиралась закончить их до обеда. На фотографии чёрный малыш прижимался к холодной стене. Мама взяла миску, хотя ещё минуту назад была уверена, что вниз не пойдёт.

Алиса уже доставала карандаш для нового рисунка, не зная, что иногда взрослый может изменить своё решение ещё до того, как успеет произнести его вслух.

— Ты пока дома, — сказала мама. — Я быстро.

— Если убежит, ты всё равно его найдёшь?

— Постараюсь.

— А если найдёшь, но он тебя не полюбит?

— Ему сейчас важнее поесть, Алис.

Пуша проследила, как мама надевает обувь. За дверью глухо затарахтел лифт, из прихожей потянуло чужими запахами. Кошка повернула ухо к входу.

Потом снова улеглась у окна.

* * *

На лестничной площадке котёнка не оказалось.

Мама сперва почувствовала облегчение. Может быть, кто-то уже унёс малыша к себе. Она осторожно заглянула за пожарный шкаф, прошла к лифту. Под ногами похрустывала строительная пыль, из соседней квартиры доносилась музыка.

Писк послышался из-за выступа стены.

Он был настолько тонким, что мама сперва приняла его за скрип двери.

Чёрный комочек сидел в тени, прижав худой бок к бетону. Шерсть торчала клочками, голова казалась слишком большой, уши — слишком серьёзными для такого маленького лица. Котёнок смотрел на неё и не шевелился. Из открытой шахты технического короба тянуло пылью и холодом; там легко было спрятаться, но нечем было согреться.

— Ну здравствуй. Ты откуда здесь взялся?

Она присела, поставила миску у стены и отошла, чтобы не пугать. Малыш осторожно втянул запах корма. В животе было пусто. От человека исходило тепло, и по сравнению с холодным бетоном этого было достаточно, чтобы сделать выбор.

Он сделал шаг к маме.

— Сначала поешь, хороший.

Котёнок не посмотрел на еду. Подойдя вплотную, прижался носом к её брюкам. Потом поднял передние лапы, зацепился коготками за ткань и полез вверх, так решительно, будто это был единственный известный ему путь.

— Эй, подожди! Упадёшь же.

Мама подхватила его под грудь. Малыш немедленно воспользовался помощью, добрался до её плеча и спрятал холодный нос между воротником и шеей.

— Я ведь пришла тебя кормить.

Откуда-то из-под её волос донеслось неуверенное, прерывистое мурлыканье. Крошечное сердце колотилось быстро. Она попробовала отделить коготки от кофты — те вцепились крепче.

Ни своего прошлого, ни причины холода котёнок вспомнить не мог. Только что перед ним была лестница с бесконечными углами, холод и голод; теперь рядом оказался человек, у которого можно спрятать нос под воротник. Отпускать такое убежище было бы странно.

— У меня дома серьёзная кошка, — сказала мама тихой лестнице. — Ты ей совсем не понравишься.

Малыш сдвинулся ещё глубже под воротник.

— И муж будет спрашивать, зачем я принесла вторую кошку. А я ему что скажу?

Ответа не нашлось. Она посмотрела на миску у стены, на чёрные уши у собственной щеки. Оставить здесь котёнка было бы проще всего. Но мама уже чувствовала сквозь кофту, как он дрожит, и не могла представить, что положит его обратно на бетон. О том, как устроить рядом с ним жизнь Пуши, придётся думать дома — и не откладывать.

Мама подняла миску свободной рукой и пошла к лифту.

* * *

Первой перемену обнаружила Пуша.

Пуша подняла голову ещё до щелчка замка. За дверью пахло привычной маминой одеждой — и чем-то незнакомым, живым. Кошка встала на лапы, прислушалась.

Пуша соскочила с подоконника, хотя в прихожей ещё никто не появился. На середине комнаты она остановилась между диваном и проходом к спальне, подобрав лапы и оставив оба пути свободными.

— Мам, ты его принесла!

Алиса подбежала к двери и застыла, увидев чёрную мордочку у маминой шеи.

— Он сидит у тебя на плече!

— Поверь, я заметила. Только не кричи, он перепуган.

— Можно погладить?

— Когда успокоится.

Мама осторожно опустила малыша на пол возле кухни. Он сделал два шага, понюхал ножку стула и, обнаружив, что человек уже отошёл, поспешил обратно к её ногам.

Пуша смотрела на малыша неотрывно. Котёнок был так мал, что едва доставал до её груди, однако белая кошка отступила на полшага и застыла, поставив переднюю лапу поперёк прохода. Маленький чужак ещё ничего не сделал — зато уже появился там, где прежде не было чужих.

Котёнок заметил белую кошку и направился к ней. Уши были подняты, нос работал деловито. Он ещё не встречал существа, которое с такой уверенностью считало бы всю комнату своей.

Пуша выгнула спину. Из глубины горла вырвался низкий глухой звук.

Малыш остановился и присел, поджав уши.

— Она его съест? — шёпотом спросила Алиса.

— Нет. Но подходить друг к другу им пока рано.

Мама подняла котёнка, ненадолго устроила его в переноске и отошла к Пуше. Дала понюхать руки, погладила. Затем отвела белую кошку в ванную и закрыла дверь, пока малыш осваивал комнату. Уже на пороге поняла, что для Пуши это не защита, а потеря привычного жилья. Взявшись за ручку двери, мама помедлила — раньше закрывать Пушу от гостиной никогда не приходилось.

Мама принесла Пуше полотенце, воду и лоток из туалета. Для малыша поставила на кухне неглубокий поддон. Понадобятся отдельные миски, осмотр у ветеринара и другое место для временного разделения — обо всём этом она подумала уже после того, как закрыла дверь ванной.

— Прости, хорошая. Я сначала решила за тебя. Сейчас устроим по-другому, только дай мне немного времени.

Пуша подступила к двери. Та закрылась прямо перед носом.

За ней раздались чужие лапы. Алиса засмеялась. Мама заговорила голосом, которым прежде звала на ласку Пушу. Потом звякнула миска.

Пуша осталась у порога. Из-под двери тянулись знакомые запахи комнаты, но теперь за ней бегали чужие лапы и смеялась Алиса.

В ванной не было солнечного пятна. Из кухни доносились новые звуки, к которым Пуша не могла подойти.

* * *

Папа вернулся затемно.

Он снял сумку с плеча, нагнулся к ботинкам и чуть не наступил на чёрный комок у шнурка.

— Это ещё кто?

Комок отпрыгнул и тотчас вернулся: шнурок продолжал двигаться и требовал внимания.

Алиса выскочила из гостиной, готовая рассказать всё с начала, включая фотографию, лестницу, мамину кофту и удивительную способность котёнка цепляться за воротник.

— Я спустилась покормить, — начала мама.

— И он сам поднялся за тобой? — спросил папа.

— По мне.

— Он у неё на шее ехал! — объявила Алиса. — Мама даже не звала!

Папа присел перед котёнком и протянул палец. Тот понюхал его, ткнулся лбом и вернулся к шнурку. Папа посмотрел на жену.

— У нас же уже есть кошка.

— Есть.

— И она, подозреваю, не просила младшего брата.

— Она очень недовольна. Сейчас в ванной, мы выпускаем их по очереди.

Папа провёл ладонью по лицу. Впереди снова были ранний подъём и дорога в Москву. Он представил вторую миску, ещё один лоток, поход к ветеринару, раздельные кормления и Пушу, запертую теперь в ванной. Никто из них не планировал второго животного. Но чёрный малыш уже уснул возле его ботинка, словно здесь давно было его место.

— А почему Пуша в ванной? — спросил он. — Она ведь тут жила раньше.

— Знаю. Я просто не сумела быстро устроить их иначе. Завтра надо решить. И в чат уже написала: вдруг малыша ищут. Ветеринару тоже покажем.

— А если хозяева найдутся?

Алиса ответила прежде мамы:

— Тогда они очень обрадуются. — Она помолчала. — А если не найдутся, пусть он с нами живёт?

— Это уже другой вопрос, — ответил папа. — А кормить кто будет?

— Мама.

— Лоток убирать?

Девочка задумалась.

— Тоже мама, но я могу смотреть, не пора ли.

Папа рассмеялся, хотя видно было, как он устал. Мама тоже улыбнулась, но поправила рукав кофты там, где малыш вытянул нитку коготком. Хотелось спросить, нельзя ли ей хотя бы сегодня обойтись без ещё одного списка дел; спрашивать было поздно.

— Я понимаю, что вышло не очень правильно, — сказала она. — Я правда шла только покормить. А он забрался мне на шею и так держался…

— Я вижу, — ответил папа. — Похоже, договор с тобой у него уже заключён.

Он посмотрел на котёнка. Тот впервые добился, чтобы шнурок оказался целиком под лапой, и теперь пытался понять, как извлечь из победы пользу.

— Зовут-то его как?

Имён перебрали много. Алиса то соглашалась, то требовала начать заново. «Бася» почему-то возвращалось чаще остальных. Сам малыш ни на что не отзывался, зато мгновенно поднимал голову на шорох корма. В конце концов решили, что имя может подождать отклика.

Перед сном мама выпустила Пушу пройти её привычный круг по гостиной, пока папа занимал Басю игрушкой у кухни. На завтра взрослые договорились выделить каждой кошке собственное укрытие, а не держать старожила за закрытой дверью.

Белая кошка проверила окно, обнюхала диван и остановилась: покрывало пахло иначе. До ванной она дошла сама, но у двери обернулась. Мама не стала торопить её, пока Пуша не переступила порог.

— Мне это тоже не нравится, — сказала мама, присев рядом. — Завтра придумаем лучше.

Пуша позволила почесать себя за ухом. Замурлыкала на несколько секунд. Из гостиной раздался звук чужой миски — и она сразу умолкла.

Поздней ночью квартира затихла.

Бася спал на мягкой кофте, ещё хранившей запах человеческого плеча. О жизни до лестничной площадки у него не осталось ни одного связного воспоминания. Сейчас хватало тёплого угла, миски и руки, которая возвращалась на его зов.

Пуша лежала на знакомом полотенце за закрытой дверью. В квартире давно стихли голоса, но белая кошка не закрывала глаз. При малейшем скрипе дивана она поворачивала оба уха к двери.

Шаги не исчезали. Иногда они сбивались на короткий бег, потом в комнате вновь шуршала бумага. Пуша оставалась у порога и то наклоняла голову к щели, то отходила к полотенцу. Свет из коридора ложился на кафель узкой полосой.

Глава 2. Две кошки, одна квартира

Наутро Пуша поднялась с полотенца ещё до маминого прихода.

За дверью пропищал котёнок, раздались шаги мамы. Пуша уже стояла у порога с опущенным хвостом, когда повернулась ручка. Прежде не нужно было прислушиваться, прежде чем выйти к собственному дивану.

Мама заглянула внутрь.

— Выходи, Пушенька. Маленький пока со мной.

Белая кошка шагнула в гостиную и остановилась. Здесь по-прежнему стояли её диван, стол и стулья. Солнце уже начало прогревать подоконник. Но к знакомым запахам за ночь добавились чужая шерсть, молочная пища и следы маленьких лап. Пуша обнюхала ножку стула, провела носом вдоль края дивана и задержалась посреди комнаты, прежде чем двинуться к окну.

Пуша запрыгнула на подоконник, но села боком к стеклу — так, чтобы видеть дверь, стулья и проход к дивану. Голубь снаружи на этот раз её почти не заинтересовал.

Алиса стояла посреди комнаты, сложив руки за спиной.

— Мам, я её не трогаю. Правда.

— Вижу. Спасибо.

Девочка посмотрела на Пушу. Очень хотелось, чтобы та хотя бы подошла понюхать руку: Алиса ведь честно выполняла новое правило. Но кошка не двинулась с места.

Мама посадила Басю возле стула на кухне. Он сразу заметил клочок бумаги под ножкой, тронул его лапой. Бумага ускользнула.

Бася остановил бумажку одной лапой. Она выскользнула. Он накрыл её второй — и снова промахнулся. Поймать столь крошечную добычу оказалось труднее, чем казалось. Он попробовал изменить угол удара и на несколько мгновений забыл обо всём вокруг.

— Он очень умный, — объявила Алиса.

— Он очень занят, — поправила мама.

Когда бумажка наконец выскользнула из-под стула, Бася увидел на подоконнике белую кошку. Она сидела выше его и смотрела прямо на него. Малыш подошёл на несколько шагов.

Из Пушиной груди донеслось предупреждение.

Он присел, прижал уши и отступил за стул. Но прежде чем Алиса успела его пожалеть, бумажка вновь сдвинулась от сквозняка. Бася немедленно кинулся за ней.

— Он уже не боится!

— Он отвлёкся. Это не одно и то же.

— А как они подружатся, если даже не нюхают друг друга?

— Они уже знакомятся, — сказала мама. — Посмотри, как Пуша следит за каждым его шагом. Ей пока не очень весело.

Алиса села рядом со стулом. Некоторое время она честно ждала, глядя то на белую кошку, то на чёрную. Потом взяла карандаш и начала рисовать два окна. Между ними поместила длинную лестницу, а внизу — человека, который держит миску сразу для обеих кошек.

— Тут им можно не ругаться, — объяснила она маме.

Мама посмотрела на рисунок.

— Было бы здорово, — сказала мама. — Только у нас сначала надо освободить дорогу к настоящему окну.

* * *

Первое настоящее изменение мама заметила не во время шипения.

Пуша направилась к окну привычной дорогой: от дивана вдоль стула, затем одним прыжком на подоконник. Бася гонял бумажку посередине прохода, не замечая белой кошки. Каж-

дый внезапный бросок малыша заставлял её придерживать шаг и подаваться корпусом назад; на этот раз она осталась ждать у стула.

Пуша остановилась.

Мама ставила чашку на стол и случайно увидела эту паузу. Раньше кошка просто шла, куда хотела. Теперь стояла, чуть подавшись назад, и ждала, пока маленькое существо закончит свою игру.

Ни драки, ни шипения не было. Но Пуша стояла посреди знакомого прохода, и мама вдруг увидела, как много места может занимать маленький котёнок. О том, как помочь Пуше, она начала думать уже после того, как принесла в дом котёнка. Теперь переменить нужно было не характер кошки, а устройство комнаты.

Мама прикинула, куда переставить стул. Путь к окну открывался, если освободить угол возле стола; остальные кошачьи дороги ещё предстояло проверить.

Она мягко отвела Басю к кухне, предложила ему другую игрушку. Тот согласился с восторгом существа, которому мир только что подарил новую разновидность добычи. Пуша дождалась, пока дорога освободится, и прошла к окну.

Мама протянула ладонь. Пуша коснулась её щекой, но не замурлыкала.

Вечером мама рассказала папе не о драке — драк пока почти не было, — а об остановке перед стулом.

— Она теперь даже к окну боится пройти спокойно.

— Может, он скоро перерастёт эту привычку носиться везде?

— Ты веришь?

Папа посмотрел на Басю. Тот просунул голову между перекладинами стула и удивлённо обнаружил, что остальное тело туда не помещается.

— Не особенно.

— Давай хотя бы устроим для Пуши место, куда он не сможет с разгона влететь. И второй лоток нужен.

— И научить нас с тобой не наступать на четыре лишние лапы.

Алиса подняла голову от рисунка.

— Можно им по комнате!

— Откуда возьмём две свободные комнаты? — спросила мама.

— Пуше мою.

— Но ты спишь с нами, — напомнил папа.

— Тогда поставим занавеску. Они будут жить с разных сторон.

— А мы?

— В прихожей. По очереди.

Папа представил себе взрослых, ползущих к холодильнику под занавеской, и впервые за весь вечер громко рассмеялся.

— Договоримся хотя бы, что по вечерам в прихожей можно будет раздеться.

Алиса разрешила, но строго попросила не мешать кошкам.

В тот вечер мама передвинула стул подальше от прохода, а папа вынес из гостиной ненужную коробку. Сначала Пуша осмотрела освобождённый угол, понюхала ножку стола и лишь затем прошла прежним путём. Алиса торжественно нарисовала занавеску, которой в квартире пока не было. Пуша смогла пройти к окну, не встретив Басю у ножки стула.

* * *

Бася тем временем узнавал дом. У дверей, мисок и стульев были свои правила, но никто не объяснял, почему одни из них менялись за ночь, а другие оставались неизменными.

За несколько дней котёнок установил полезные связи: шорох пакетика предвещал корм, папины ключи — движение входной двери, Алисина поднятая рука — игрушку или объятие. С белой кошкой ни одно правило не работало без исключений.

Белая кошка не играла с ним, хотя хвост у неё был замечательный. Иногда достаточно было посмотреть в её сторону, чтобы она напряглась; иногда Бася подходил ближе — и ничего не происходило. Каждый раз оказывалось, что не всё удаётся угадать даже после внимательного наблюдения. С бумажкой всегда можно было попробовать ещё раз. С Пушей почему-то получалось иначе.

На её низкое предупреждение хотелось подойти ещё раз — то ли из упрямства, то ли потому, что мебель и игрушки в конце концов поддавались исследованию, а белая кошка нет.

Однажды Пуша дремала на диване. Из-под покрывала свисал кончик её хвоста. Бася приблизился, вытянул лапу. Хвост дрогнул. Он замер от восторга.

С дивана донеслось рычание.

Малыш отпрянул, и в ту же секунду перед ним пролетела игрушка на верёвочке. Алиса начала игру у кухни, но не заметила, куда выводит добычу. Бася прыгнул, проскользил по гладкому полу и вылетел прямо к дивану.

Пуша поднялась одним быстрым движением. Передняя лапа взлетела, уши прижались. До чёрной мордочки осталось совсем немного.

Бася резко сел, поджав лапы, будто хотел стать настолько маленьким, чтобы его перестали замечать.

— Ой! — вскрикнула Алиса.

Мама отвела игрушку подальше.

— Сюда, малыш. Играть будем здесь.

Бася увидел новый маршрут и умчался за добычей. Страх сменился азартом прежде, чем взрослые успели закончить разговор. Пуша осталась стоять на диване, не спуская глаз с места, где только что едва не произошло столкновение.

Пуша опустила поднятую лапу лишь после того, как Бася скрылся за стулом.

Когда шум стих, Бася снова подошёл к дивану — теперь не вплотную, а на расстояние. Посмотрел вверх. Пуша следила за ним. Он немного постоял, потом заметил клочок бумаги и побежал в другую сторону.

Белая кошка медленно опустилась на покрывало. Глаза оставались открытыми; стоило что-нибудь скрипнуть у кухни, как она снова поднимала голову.

* * *

К исходу недели Алиса перестала приносить Пуше удочку всякий раз, когда хотела поиграть с Басей. Оказалось, что можно обрадовать обеих кошек разными способами — и иногда лучше ничего не предлагать.

Бася охотно бросался за игрушками, путался в шнурках и соглашался на короткие объятия, пока они не мешали ему вырваться за чем-нибудь шевелящимся. Пуша могла спокойно сидеть возле Алисы, но не желала, чтобы её хватали обеими руками. Ни одна из кошек не делала это назло девочке.

— Почему она не играет? — спросила девочка.

— Сейчас не хочет.

— Она и утром не хотела.

— Может, ей больше нравится другое.

Алиса подошла к дивану и протянула одну ладонь. Пуша понюхала пальцы и сама потёрлась о них щекой. Девочка расцвела улыбкой, уже собираясь обнять кошку другой рукой, но остановилась.

Мама ничего не сказала. Просто посмотрела на дочь.

Алиса медленно опустила вторую ладонь.

— Ладно. Можешь просто со мной посидеть.

Пуша ещё немного постояла рядом, потом ушла на окно. Алиса уже хотела позвать её обратно, но вместо этого рассказала маме, как красиво кошка подняла хвост. Девочка не побежала следом.

Вечером папа вернулся из Москвы и сразу услышал отчёт:

— Пап, они почти подружились!

— По каким признакам?

— Никто никого сегодня не съел.

— Убедительное достижение.

— И Бася не получил по голове. Почти.

Папа снял куртку, наклонился к Пуше. Она сама подошла к его руке, потерлась лбом о пальцы.

— А если они никогда не станут друзьями? — спросила Алиса уже без улыбки.

Папа посмотрел на белую кошку. Пуша мурлыкала, но каждый раз при звуке маленьких лап в гостиной поворачивала ухо.

— Может, и не станут, — сказал папа. — Только Пуше сейчас тяжеловато. Ты же видишь, как она вздрагивает, когда он бежит.

— А сейчас приходится?

— Не знаю. Она ещё не привыкла к нему. И он к ней тоже.

— А он от неё?

Папа посмотрел на Басю, который пытался поймать игрушку, находясь по разные стороны стула одновременно.

— Он, кажется, не всегда знает даже того, что сам сейчас сделает.

Они рассмеялись. Бася услышал голоса и подошёл к дивану: там гладили. Он хотел того же, но встретился взглядом с Пушей. Несколько секунд оба оставались неподвижны.

В это время из-под стула выбралась бумажка. Бася тут же отвлёкся на неё, а папина ладонь осталась возле Пуши. Никто не потребовал от белой кошки приблизиться. За вечер они не стали друзьями. Зато Пуша сама осталась возле папиной руки, а Бася нашёл занятие, не требовавшее её участия.

В ту ночь Бася уснул, положив одну лапу на игрушку. Пуша устроилась на подоконнике, где стекло уже остыло и приходилось подтягивать хвост к животу.

Из-под дивана донёсся тихий стук: во сне котёнок случайно задел игрушкой ножку.

Пуша открыла глаза.

Снова стало тихо. Пуша ещё долго прислушивалась, затем осторожно опустила голову на лапы. Одно ухо осталось повёрнуто к дивану. Под диваном сопел чёрный малыш, который пока считал чужой дом самым обычным местом для сна.

Глава 3. Алиса и её кот

На следующее утро Алиса открыла школу.

Стол учителя она устроила из перевёрнутой коробки, журналом назначила тетрадь в клетку, а ученик у неё был один — маленький чёрный котёнок, который за время подготовки успел дважды залезть в коробку, утащить карандаш и уснуть на листе с расписанием.

— Бася, вставай. У нас первый урок.

Котёнок приоткрыл глаз. Над ним покачивалась кисточка на конце верёвочки. Голос Алисы был знакомым, как и запах бумаги. Слово «урок» почему-то не требовало объяснения — однако двигавшаяся кисточка была несравненно важнее любой школьной науки.

Мама раскладывала на краю кухонного стола карточки с цветными фигурами, а между делом следила, чтобы из коробки учительницы не исчезли последние карандаши.

— А предметы какие?

— Охота, поведение и отдых.

— Отдых ему уже зачли?

— Нет. Это после обеда. И вообще, мама, не разговаривай. Ты мешаешь вести урок.

Бася выполз из-под тетради, вытянул передние лапы и поймал собственный хвост. Кисточка чуть качнулась. Он забыл о хвосте, пригнулся и прыгнул.

— Я ещё не разрешала!

Коготки заскользили по полу. Игрушка пролетела мимо, ударилась о ножку стула, и Бася последовал за ней с такой скоростью, что остановился уже под столом. Он попытался свернуть, но лапы не успели за движением головы. Оттуда послышался обиженный стук: лоб встретился с перекладиной.

Алиса прыснула, но тут же сделала серьёзное лицо.

— За самовольный прыжок замечание.

Она поставила в тетради первый минус.

Котёнок вынырнул из-под стула, распушив шерсть на затылке, и обнаружил, что кисточка снова двигалась. Мир, в котором можно преследовать добычу, представлялся ему вполне исправным. Он прыгнул ещё раз — теперь удачно — и покатился по полу вместе с игрушкой.

— Смотри, как быстро учится! — не выдержала Алиса.

— Ты ему минус уже поставила, — напомнила мама.

Девочка посмотрела на тетрадь. Пришлось пририсовать рядом маленький плюс.

Пуша лежала на диване спиной к школьным занятиям, но каждый стук лап заставлял её приподнимать голову. За эту неделю люди научились не оставлять входную дверь открытой и убирать опасные верёвочки. У котёнка оставалось собственное расписание: спрятаться под мебелью, выскочить, догнать кисточку и начать сначала.

Когда Бася пронёсся мимо дивана, Пуша подтянула лапы под грудь. Ещё некоторое время она сидела неподвижно, даже после того как топот переместился к кухне.

* * *

К середине урока у Алисы накопилось три плюса, два минуса и один вопрос, на который она не нашла места в журнале.

Почему Бася делает всё прекрасно, пока его не просят?

Она пробовала показывать ему, как сидеть. Садилась сама, подгибала ноги и выпрямляла спину. Котёнок охотно наблюдал за ней, а затем уходил проверять щель под диваном. Когда она прятала мягкую мышку за стулом, он находил её без подсказок. Но стоило сказать «ищи здесь», как интересная вещь обнаруживалась в противоположном углу комнаты.

— Он нарочно? — спросила Алиса.

Мама отложила тетрадь с упражнениями для будущих занятий. Один из листов она вырезала не с той стороны: пока подбирала слова для Алисы, ножницы уже ушли по линии. Придётся переделывать — и снова искать свободные десять минут.

— Не думаю. У него сейчас свои занятия.

— А у меня школа.

— Вижу. Только он не знает, что у тебя расписание. А у него сегодня свои дела.

Бася услышал слово «расписание» и на миг забыл о мыши. Он прекрасно понимал, что Алиса назначила себя учительницей, а его — учеником, и что мама пытается её утешить.

Откуда он знал человеческие слова? Не только привычное «кушать» или собственное имя — слова о вещах, которых ему никто не показывал. Смысл возникал сразу, будто был знаком всегда. Не знакомым казалось другое: отсутствие хоть одного воспоминания о том, кто объяснил ему человеческую речь. Он попробовал представить голос учителя — и услышал лишь тихое шуршание игрушки по полу.

Бася мысленно повторил «расписание» и открыл пасть. Вышло короткое «мрр». Он недовольно шевельнул усами; в ту же секунду мышь заскользила под диван, и все вопросы пришлось отложить.

Алиса нахмурилась. Она заранее нарисовала Басе диплом с золотой медалью и оставила место для подписи учительницы. На картинке кот сидел необыкновенно прилежно, сложив передние лапы и уложив хвост красивым вопросительным знаком. Жаль, настоящий кот не умел оценивать собственный портрет по школьным правилам.

Бася тем временем достал из-под дивана мягкую мышь. Он ложился на бок, менял лапы и подцеплял ткань когтем, пока игрушка не оказалась у него. Добыча далась не сразу.

— Видишь! — Алиса повалилась рядом на живот. — Он всё понял!

Бася схватил мышь зубами. После нескольких неудачных попыток вещь наконец принадлежала ему. Однако Алиса уже протягивала руку, чтобы вытащить игрушку и повторить упражнение.

Её пальцы оказались возле его пасти.

Котёнок резко дёрнул головой. Зубы на мгновение сомкнулись на указательном пальце — больно, но кожа осталась цела. Алиса вскрикнула и отняла руку.

Мышь упала. Бася насторожился от неожиданного звука, затем отбежал к стулу и присел, глядя на девочку. Только что здесь были добыча и знакомая рука; теперь добычи не стало, а голос вдруг сделался резким. Он помедлил, не зная, стоит ли возвращаться.

— Он меня укусил!

Мама подбежала, взяла Алисину ладонь и осмотрела палец. Крови не было, но она отвела дочь к раковине и промыла место укуса водой с мылом, не споря с её обидой. Потом обняла свободной рукой и только тогда посмотрела на котёнка.

— Больно?

— Немножко. — Алиса помолчала. — Я же его не обижала.

— Ты потянулась к игрушке, когда он её поймал, — сказала мама. — Он мог испугаться.

— Но я потом отдала бы обратно.

Мама осторожно убрала верёвочку, пока Бася не потянул её в рот.

— Ты это знала. А он видел руку возле игрушки.

Алиса сжала и разжала кулак. Палец уже почти не болел. Хуже было то, что минуту назад она так радовалась его победе.

— Он меня не любит?

За коротким вопросом стояло совсем не то, что болело у неё на пальце.

Мама села рядом. Хотелось сказать, что Бася, конечно, любит Алису, и поскорее закончить неприятный разговор. Но котёнок сидел за стулом и сам, кажется, испугался её крика.

— Не знаю, как он сам это понимает, — сказала мама. — Но он к тебе приходит, играет, ложится рядом. Сегодня вы оба испугались. Давай сначала успокоимся.

— Я ведь его учительница.

— Похоже, у нас у обеих сегодня сложный урок, — сказала мама, поднимая упавшую тетрадь.

Мама положила удочку перед Алисой так, чтобы верёвка осталась вне досягаемости котёнка, а руку можно было держать подальше от зубов. Алиса взяла палочку, но не пошевелила ею сразу.

Бася выглянул из-за стула.

— Хочешь? — негромко спросила девочка.

Она повела мышкой по полу. Бася припал к полу и бросился следом. Через минуту он уже мчался вокруг коробки и катался на спине, забыв о пальце и тетради. Алиса ещё помнила неприятный укус и потому держала палочку чуть дальше от себя.

Алиса смеялась вместе с ним. Обида ещё оставалась, но теперь рядом с ней помещалась и радость.

* * *

После обеда школа неожиданно закрылась.

Бася остановился на середине очередного забега, широко зевнул, словно его пасть не имела предела, прошёл два шага и лёг на бок возле ножки дивана. Уснул он так быстро, что Алиса сперва решила: что-нибудь случилось.

— Мам, он больше не бегает.

— Хорошо. А то я уже думала, что у нас в квартире завёлся маленький моторчик.

Девочка присела рядом. Подушки на лапах были тёплыми. Нос подрагивал. На мохнатом боку спокойно поднималась и опускалась шерсть.

Алисе ужасно захотелось поднять котёнка и отнести в свою кровать. Там было мягче, чем у дивана. Она подставила ладони под тёплый чёрный бок, но Бася во сне отодвинул лапу и поджал голову, словно укрываясь от яркого света.

Руки остановились.

Котёнок мог проснуться и вырваться, а ей не хотелось снова услышать сердитое мяуканье. Алиса осторожно вынула ладони из-под него, оставив спящего на выбранном месте.

Она пододвинула к спящему Басе край пледа и ушла к столу. Котёнок так и не проснулся. Алиса несколько раз оглянулась — не потому, что боялась за него, а потому, что очень хотелось всё-таки взять.

Пуша следила за спящим котёнком с дивана. Топот стих, но кошка ещё несколько раз обернулась к нему, прежде чем улечься удобнее.

В комнате зашуршала бумага. Алиса дописывала диплом.

«БАСЯ. ЗА ЛУЧШУЮ ОХОТУ», — вывела Алиса. Ниже нарисовала красное сердце. Минусы и плюсы из журнала в диплом не попали.

Алиса подошла к маме.

— А можно вручить потом, когда проснётся?

— Конечно.

— А если не захочет?

Мама посмотрела на спящего котёнка и пожал плечами.

— Тогда положи диплом сюда, — сказала мама и отодвинула к краю стола коробку. — Он хотя бы не успеет его съесть до вручения.

* * *

К вечеру Бася проснулся, поел и сам пришёл к столу, где Алиса раскладывала рисунки. Сначала он заинтересовался зелёным карандашом, затем тёплой полосой света на полу. Девочка подвинула ему мягкую мышку, но не стала сразу водить ею по комнате.

— Это тебе, — сказала она и показала диплом.

Бася понюхал край бумаги. Она пахла рукой девочки, карандашами и клеем. Он провёл по ней лапой. Лист медленно съехал на пол. Котёнок проводил его взглядом и с явным удовольствием снова подтолкнул.

— Он его мнёт! — Алиса уже хотела воскликнуть сердито, но осеклась.

Несколько мгновений она смотрела, как золотая медаль превращается в складку. Потом осторожно забрала диплом и положила повыше.

— Это вообще-то за успехи, — сообщила она котёнку. — Бумагу ловить не обязательно.

Бася переключился на кончик Алисиной косички. Девочка убрала волосы за плечо, но на этот раз не придумала нового задания. Просто села рядом на ковёр и немножко посердилась про себя: школе всё-таки полагалось подчиняться учительнице. Правда, когда котёнок подошёл ближе, сердиться стало труднее.

Котёнок походил вдоль стола, обнюхал коробку учителя, заглянул за стул. Потом вернулся к Алисе, потёрся боком о её колено и улёгся у её ступни, вытянув одну переднюю лапу.

Девочка почти перестала дышать. Он выбрал это место сам.

Когда папа пришёл с работы, Алиса встретила его в прихожей без обычного крика. Приложила палец к губам и отвела к гостиной.

— Видишь?

— Вижу кота. И стол, на котором, кажется, открыли университет.

— Это школа. Но теперь тихо. Он сам ко мне лёг.

Папа присел, стараясь не шуметь. Бася поднял голову, узнал знакомый запах улицы и потянулся к протянутой руке. Потом снова вернулся к Алисиной ноге.

— Значит, учебный день прошёл удачно? — спросил отец.

— Не совсем. Он укусил меня и не получил диплом.

Папа посмотрел на маму. Та кивнула: всё в порядке.

— А чему он научился?

— Мышку ловить. А я теперь знаю, когда его лучше не трогать, — сказала Алиса. — Даже если очень хочется.

— Трудный предмет.

— Очень. Особенно когда он спит и такой красивый.

На подоконнике Пуша повернула голову к голосам. Алиса сегодня не звала её в школу, и кошка осталась на месте, даже когда все собрались возле Баси.

К ужину Бася уже убежал на кухню. Алиса не стала его удерживать, хотя рядом с её ногой было тепло. В тетради появился ещё один маленький плюс — на этот раз в графе самой учительницы.

Когда мама нашла плюс, Алиса уже спала. Карточки для завтрашнего занятия лежали рядом с тетрадью школы Баси. Мама ещё немного работала за столом, пока в комнате не стало тихо.

Глава 4. Чужой порядок

Бася быстро понял: в квартире двери существуют вовсе не для того, чтобы их открывали все желающие.

У шкафа была ручка. За ней хранились пакетики с едой, и иногда дверца оставалась неплотно прикрытой. У ванной был порог, за которым пахло водой, влажными полотенцами и чистящими средствами. Спальня по ночам закрывалась не всегда. Даже коробки, сложенные возле стола, имели щели, куда можно было просунуть нос.

Только входная дверь вела туда, что нельзя было проверить изнутри.

Она открывалась коротко, сопровождаемая звоном ключей, шорохом куртки и струёй незнакомого воздуха. Бася успел различить в нём запах лифта, краски, чужих ботинок и чего-то огромного, где проходы продолжаются за пределами любого видимого поворота.

По утрам папа уходил в Москву, стараясь не разбудить ребёнка окончательно. Но Алиса всё равно успевала сообщить о потерянном носке, мама — о забытом контейнере с едой, а Бася — первым добраться до прихожей. Когда ключ входил в замок, три дела оказывались одновременно важными; папа смотрел на часы, а в глазах ещё стояла электричка, которую нельзя было пропустить.

— Охранник уже на месте, — заметил папа.

— Охранника к двери не подпускай, — ответила мама из кухни. — Ему пока рано знакомиться с соседями.

Алиса высунулась из спальни с носком в руке.

— Я нашла один! Второй, наверное, опять потерялся.

— Без одного носка в садик не пойдёшь, — сказал папа. — А если меня задержит ещё и кот, электричка в Москву сегодня отправится без меня.

Он приоткрыл дверь, одновременно выставив ботинок поперёк щели. Бася вытянул шею и заглянул вдоль папиной ноги. Там были серый пол, незнакомая вертикальная стена и свет, который пах иначе, чем домашний. Котёнок попробовал обойти ботинок справа, затем слева — безуспешно.

— Не сегодня, путешественник.

Дверь закрылась. Снаружи вздохнул лифт.

Бася потрогал нижний край двери лапой. Он не испытывал обиды на папу: тот умел гладить за ухом так хорошо, что считать его противником было бы несправедливо. Но преграда заслуживала изучения. Странно: люди открывали её по собственному желанию, а для него устраивали целую систему запретов.

Котёнок поскрёб её когтем, послушал, как изменился звук, и присел. Ничего не изменилось. Из кухни донёсся шорох пакетика. Для начала можно было решить задачу попроще.

* * *

Пакетик с кормом лежал на столешнице, а котёнок находился далеко внизу.

Бася поднялся на задних лапах, потянулся к шкафчику и посмотрел на стул. Перекладины обещали путь наверх, но задние лапы пока не умели прочно удерживаться на них. Он попробовал ещё раз.

Передняя лапа соскользнула. Со второй попытки он добрался до нижней перекладины и заглянул под столешницу. Пакетик по-прежнему висел где-то в недоступном мире.

— Бася, кормить буду я, — сказала мама, убирая пакетик.

— Он сам придумал лестницу! — восхитилась Алиса.

— Лестницу придумал стул. Бася пока проверяет, насколько она ему подходит.

У маминого тапка зашуршал бумажный обрезок. Бася кинулся за ним, прокатился под стулом и выскочил с другой стороны. Пакетик пришлось оставить на потом.

Пуша лежала у окна. Когда чёрный комочек понёсся в её сторону, она подобрала хвост и приподняла голову раньше, чем котёнок пересёк середину комнаты. Бася и не подумал сворачивать к ней: бумажка выскользнула в сторону кухни, и он пронёсся мимо, даже не взглянув вверх.

Белая кошка подождала. Он не вернулся. Тогда она осторожно опустила хвост на покрывало.

Мама подхватила бумагу прежде, чем Бася успел попробовать её на зуб. Котёнок возмутился коротким мяуканьем, но тут же получил завтрак и почти забыл о возражениях. Он ел жадно, выталкивая миску вперёд носом, пока та не встретилась с ножкой стула.

Высокий стол никуда не делся, как и закрытая дверь. Зато бумажка оказалась замечательной добычей, и утреннее поражение уже не имело значения.

* * *

Вечером папа вернулся позже обычного.

Бася первым услышал шаги за дверью и привычный звон ключей. Он уже знал: за ними последует короткий миг, когда квартиру и неизвестное пространство разделяет только человеческая нога. На этот раз он спрятался за поставленной в прихожей сумкой. Не из хитрого расчёта — просто оттуда было лучше видно нижний край двери.

Папа потянул дверь на себя и одновременно попытался освободить ремень сумки, зацепившийся за ручку. На пол упала перчатка. Он наклонился за ней, и между ботинком и косяком открылась щель.

Бася двинулся сразу.

За порогом оказался холодный пол. Незнакомый запах ударил в нос: железо лифта, чужая обувь, пыль, принесённая сквозняком с лестницы. Котёнок выставил туда одну лапу, затем вторую. Полоска света, за которой до сих пор нельзя было разглядеть продолжение мира, обернулась целым пространством с чужими шагами и недоступными поворотами. Оно было удивительно большим для такого маленького тела.

Котёнок уже собирался сделать третий шаг. У лифта застонал механизм, по площадке загремели чужие ботинки, и незнакомый пол под его лапами вдруг оказался не таким безопасным, как тихая кухня.

— Бася!

Голос отца прозвучал так резко, что котёнок замер. Папин ботинок перегородил проход, сам человек прижал дверь плечом, чтобы она не распахнулась шире. Внутри квартиры звякнуло что-то тяжёлое: мама оставила на столе кастрюльную крышку и побежала в прихожую.

Бася попробовал обойти ботинок, но папа уже присел, заслонив проём всем телом. Мама подхватила котёнка под грудь и отнесла к кухне. Он вытянул шею назад, пытаясь увидеть внезапно исчезнувший коридор.

Замок щёлкнул дважды.

Лишь тогда мама выдохнула.

— Ещё чуть-чуть — и он был бы на лестнице.

Папа остался стоять у двери, не сняв куртки. Он смотрел на пустой пол у порога, где только что мелькнули маленькие чёрные лапы.

— Я его даже не видел. Он из-за сумки выскочил.

В гостиной появилась Алиса. В руке у неё была корона, которую она вырезала из жёлтой бумаги для завтрашней игры.

— Почему вы кричали? Он убежал?

— Нет, — сказала мама. — Мы успели.

Алиса присела возле Баси. Котёнок уже пытался поймать завязку от короны. Девочка отдёрнула руку и посмотрела на родителей.

— А если бы не успели?

Папа хотел пошутить, как обычно. Но только что он едва не закрыл дверью маленькое чёрное тело. Он присел рядом с дочерью, не снимая куртки.

— Тогда мы могли бы его долго искать. И не факт, что нашли бы сразу.

— Но он же знает, где наш дом.

— Он знает квартиру. А подъезд и улицу — нет. Там машины, чужие люди, другие двери. Его можно не заметить под ногами, а он не поймёт, как вернуться.

Алиса ничего не ответила. Она посмотрела на ботинки, возле которых минуту назад проскользнул Бася, и вдруг представила, как ищет его за дверью, а он не откликается.

— Я буду его держать, когда папа приходит, — предложила она.

Мама покачала головой.

— Не надо ловить его у двери. Лучше скажи нам, где он. А мы сначала закроем вход, потом будем обниматься.

Папа положил руку дочери на плечо. Куртку он так и не снял. Весь путь домой он думал о работе, но сейчас не стал рассказывать, как тяжело прошёл день: дочь ещё смотрела на щель под входной дверью, и ей требовалось, чтобы взрослые просто побыли рядом.

Бася поднял морду к протянутой ладони, ткнулся носом в пальцы и замурлыкал. Рядом были свои люди, знакомые руки и тёплый пол. Он не разобрался в причине испуга людей. Но помнил грохот чужих шагов за порогом — слишком близко к маленькому телу.

За дверью по-прежнему оставалось неизвестное. А перед ним, на полу, лежала жёлтая бумажная корона. Он осторожно тронул её лапой.

— Не ешь хотя бы королевские регалии, — слабо улыбнулся папа.

Алиса засмеялась первой. Мама улыбнулась вслед за ней. В прихожей снова стало похоже на обычный вечер.

* * *

Уже на следующее утро у входной двери появился новый порядок.

Папа сначала находил котёнка глазами и лишь потом брал ключи. Мама проверяла, не прячется ли чёрный хвост за сумкой или ботинком, когда вела Алису в садик. Девочка с удовольствием сообщала, где находится «ученик», но перестала бросаться ловить его у самого порога.

— Учительница, где у нас путешественник? — спросил папа.

— Под стулом, — отозвалась девочка. — Только не пугай его.

— И сам постараюсь не пугаться.

Через несколько дней новый порядок стал настолько привычным, что взрослые почти перестали о нём говорить. Они просто не открывали дверь, пока не убеждались, что котёнок в безопасном месте.

Для Баси это изменило характер самой двери. Она по-прежнему заманчиво щёлкала и приносила чужие запахи, но редко открывалась там, где он мог успеть к щели. Люди научились находить его взглядом прежде, чем створка открывалась.

Бася по-прежнему сердился на дверь: за ней были запахи, которые хотелось проверить самому. Но стоило в подъезде загреметь шагам, как он на мгновение вспоминал грохот рядом со своей мордой. Желание выйти от этого не исчезало.

Пуша проходила мимо входной двери без всякого интереса. Услышав же в гостиной быстрые удары маленьких лап, она неизменно замедляла шаг и поворачивала голову.

* * *

К вечеру Пуша спустилась с подоконника привычной дорогой: через кресло, мимо ножки стула и вдоль стены к дивану. Сегодня возле стула пришлось остановиться.

На полу сидел Бася. К крошечной передней лапе прилипла белая бумажка; он встряхивал ею, поддевал другой лапой и удивлялся, почему добыча, которую даже не нужно ловить, не желает оставить его в покое.

Пуша замерла за несколько шагов. Дальше она пошла осторожно, низко опустив хвост и не сводя глаз с котёнка.

Бася поднял голову.

В узком проходе они оказались друг напротив друга. Можно было обойти стул с другой стороны. Можно было дождаться, пока Пуша пройдёт. Но котёнка заинтересовала её неподвижность. Она смотрела на него, не приближаясь и не отступая. Это было гораздо занимательнее бумажки.

Он сделал шаг.

Пуша тихо предупредила его, подняв переднюю лапу.

Пуша не загораживала ему дорогу. Между стулом и стеной оставалось место, но стоило ему шевельнуться, как белая кошка снова поднимала лапу. Закрытая дверь в прихожей была понятнее: у неё хотя бы имелись ручка и замок.

Бася перенёс вес на передние лапы и подался ещё на полшага ближе.

Пушина лапа поднялась выше.

Он мог бы метнуться вдоль стены. Был мал и быстр, а до дивана оставалось всего несколько прыжков. Пуша, вероятно, успела бы ударить его по морде. Возможно, не успела бы. Проверить было заманчиво.

Однако за ножкой стула оставалась свободная полоска пола. Она вела к кухне, потом обратно к дивану: путь длиннее, зато пройти можно без встречного удара. Бася заметил её и задержался, не решаясь воспользоваться.

Почему именно он должен обходить, если Пуша могла отступить? Ему хотелось дождаться этого — не ради дивана, а ради того, чтобы проверить собственную правоту. Бумажка всё ещё тянула шерсть на лапе; котёнок наконец отвёл взгляд.

Он отвернулся первым.

Обойдя стул, Бася остановился и посмотрел назад. Пуша уже шла к дивану. Не распушила шерсть, не бросилась вдогонку и даже не повернулась в его сторону. Просто прошла там, где хотела пройти.

Бася ещё долго смотрел на свободную дорогу и сердился, хотя сам выбрал обход. Даже людям он не смог бы объяснить, в чём состоял спор.

За стеной хлопнула соседская дверь. В кухне загудел холодильник. Бася вздрогнул, поднял лапу — и вновь обнаружил у себя налипшую бумажку.

Он встряхнул ею, и маленький белый клочок наконец отлетел на пол.

Теперь возникло дело поважнее. Бася припал к полу, подкрался и прыгнул.

Пуша легла на покрывало. Из кухни стучали быстрые лапы, но не приближались. Она прислушалась, затем улеглась удобнее — впервые за этот вечер не меняя места. Пока этого было достаточно.

Глава 5. Обычная семья

Утром на кухонном столе обнаружились три разных дела, и ни одно не соглашалось уступить место другому.

Алиса заканчивала рисунок дома, который начала ещё в день своей школы для Баси. У дома появились второй этаж, отдельные кошачьи окна и лестница прямо к крыше. Мама раздвинула карточки, освобождая дочери место, а отец в третий раз проверил карманы. Бася наблюдал из-под стула: зелёный карандаш свешивался со стола как раз на расстоянии прыжка.

Карандаш чуть качался от движений Алисиной руки. Бася переводил взгляд с него на папины ботинки: оба предмета обещали интересное, хотя один убегал сам, а другой всякий раз уносил человека из дома.

— Не трогай, — сказала Алиса, даже не повернув головы.

Котёнок замер. Девочка не видела его лапы, но угадала намерение по одному только движению. Неприятное открытие. Впрочем, она тотчас занялась крышей, и Бася снова поднял голову к карандашу.

— Бася! — предупредил папа из прихожей. — Я только вчера научился проверять, не сидишь ли ты у двери. Не заставляй меня теперь проверять ещё и потолок.

— На потолке он пока не был, — заметила мама.

— Значит, надо успеть уйти до повышения квалификации.

Папа наконец обнаружил ключи в наружном кармане сумки. Мама отложила карандаш, которым подписывала карточки, и посмотрела на часы.

— Ты сегодня сможешь пораньше?

— Постараюсь. Но обещать не буду.

Она кивнула, хотя именно такой ответ слышала уже несколько раз. Алиса протянула отцу рисунок.

— Ты должен выбрать, какое окно твоё.

— А разве у меня есть своё?

— Конечно. Только пока я его не нарисовала. Выбери место.

Отец посмотрел на лист, потом на жену, сидевшую среди разноцветных прямоугольников.

— Рядом с маминым. И побольше, чтобы мы вдвоём поместились.

— У мамы окна ещё нет, — сказала Алиса. — Она всё время на кухне.

Папа открыл было рот для шутки, но промолчал. На столе лежали мамины карточки, начатая тетрадь и чашка с давно остывшим чаем. Она с самого утра готовила два упражнения для дошкольников пяти-шести лет и успела вырезать лишь половину листа. Ей хотелось понять не то, кто быстрее назовёт фигуру, а кто найдёт способ проверить ошибку.

Отец увидел всё это, только когда Алиса показала ему пустое место для маминого окна.

— Вот что, — сказал отец. — Давайте сегодня вечером я займусь ужином. А ты спокойно закончишь своё занятие.

— Какое именно? — спросила мама.

— То, которое ты который день пытаешься закончить.

Она посмотрела на него внимательнее, чем требовало простое предложение помыть посуду.

— Давай, — ответила она. — Только мне нужен будет не час помощи, а час, когда меня никто не зовёт каждые пять минут.

— Принято. Алис, слышала? Вечером у мамы закрытый кабинет.

— Можно я тоже там буду работать?

— В своём кабинете, — уточнила мама и улыбнулась.

Бася всё-таки достал карандаш. Тот ударился о край стола, упал и покатился по полу. Котёнок бросился следом и с разгона проехал под стулом, едва не задев папин ботинок.

— А этому кабинет не выдавайте, — сказал отец. — Он сносит перегородки.

Прежде чем выйти, папа дождался, пока мама заберёт Басю от прихожей. После недавней попытки котёнка выбраться на лестничную площадку дверь открывали только тогда, когда чёрная мордочка находилась на безопасном расстоянии. Бася не одобрял новое правило, но помнил, что за папиными ботинками начинался незнакомый мир, к которому люди почему-то относились с особенной тревогой.

Он услышал щелчок замка, подбежал к двери, понюхал нижнюю щель. Потом вспомнил о зелёном карандаше и отправился разыскивать его под диваном.

Время до возвращения папы можно было употребить с большей пользой, чем на ожидание непослушной двери.

* * *

Когда мама отвела Алису в садик и вернулась домой, на кухне наконец стало тихо. Она сняла куртку, поставила чайник, убрала со стола крошки после завтрака — и обнаружила, что половина свободного времени уже прошла. Тогда оставила посуду у мойки и раскрыла тетрадь.

На чистом листе она написала: «Если ребёнок ошибся».

Дальше пришлось задуматься.

Вчерашнее упражнение выглядело безупречно на бумаге: взрослый показывает фигуру, ребёнок называет и повторяет. Но мама легко представила Алису, которая за минуту ответит на все вопросы, а потом начнёт скучать. Хотелось придумать игру для детей Алисиных лет, в которой можно попробовать неверную фигуру, не услышать немедленной подсказки и самостоятельно проверить ответ. Пока удавалось лишь переставлять слова местами.

Под столом раздался тихий шорох. Бася притащил зелёный карандаш и теперь пытался вытянуть его из-под ножки, прижав к полу одной лапой. Сначала тянул на себя; карандаш упирался. Затем переменил хватку, обошёл ножку и толкнул его с противоположной стороны. Длинная зелёная вещь послушно выкатилась сама. Бася задержал над ней лапу, словно хотел убедиться, что движение можно повторить.

— Тебе объяснять ничего не приходится, — пробормотала мама.

Котёнок поднял голову на голос. Она наклонилась, забрала карандаш, который он уже собирался попробовать зубами, и положила повыше.

Бася некоторое время смотрел на опустевший пол. Он только что нашёл способ передвигать непослушную длинную вещь, а человек вмешался и отнял её. Котёнок проследил за маминой рукой до края стола, оценил высоту и, не став прыгать, занялся шнурком её тапка.

Мама вернулась к строке в тетради. Написала: «Не показывать правильный ответ сразу».

Рядом появился чёрный хвост.

Бася не требовал еды. Миска оставалась полной. Его занимало, почему человек то водит рукой по бумаге, то замирает, хотя перед ним не движется ничего, за чем стоило бы охотиться.

Стоило маме перечеркнуть слово, как рука меняла направление; она рисовала круг, сдвигала квадрат, снова останавливалась. Котёнок поворачивал голову вслед за карандашом и всё никак не мог угадать, что он сделает дальше.

Он негромко мяукнул и посмотрел на её руку. В этом доме такой звук часто приводил к ласке. Стоило проверить, сработает ли и сейчас.

— Сейчас, мой хороший.

Рука опустилась, погладила его между ушами и вернулась к тетради. Бася остался у стола. Мама писала дальше. Возле дивана едва слышно шевельнулось покрывало.

Пуша спустилась на пол. Бумажные обрезки она обошла стороной, к карандашу не приблизилась. Возле маминого колена остановилась, повернула одно ухо в сторону Баси и коротко мяукнула.

— И ты пришла, — сказала мама.

Пуша вытянула шею и потёрлась щекой о край домашнего халата. Мама ещё секунду смотрела в тетрадь, затем перевернула карандаш тупым концом вверх и отложила его.

Бася сразу понял, что сейчас начнётся нечто приятное. Он приблизился с другой стороны, подняв хвост трубой.

— У меня ведь две руки, — заметила мама. — Почему вы никак не можете договориться?

Она погладила обоих. Пуша оставалась у левого колена, Бася пристроился справа. Руки двигались независимо, и какое-то время всё получалось удивительно хорошо.

Но котёнок захотел подняться выше. Взглянул на пустой край дивана и поставил передние лапы маме на ногу.

Пуша замерла. Её уши повернулись назад, шерсть у плеч едва заметно поднялась. Она оборвала движение щекой вдоль маминой ладони и отступила на полшага, хотя рука продолжала гладить её.

Мама уловила перемену и придержала Басю.

— На диван сейчас не надо. Давай здесь.

Котёнок не понял, почему свободное место внезапно стало запретным. Он попробовал обойти мамину руку. Та мягко отодвинула его обратно. Пуша отошла на шаг, запрыгнула на диван и повернулась лицом к ним. Она не шипела и не выпускала когтей, но за поглаживанием больше не вернулась.

Бася остался у маминой ноги. Ему достались поглаживания, которые минуту назад казались вполне достаточными. Однако теперь они почему-то перестали быть главной целью: над ним существовало место, куда его не пустили.

Он поднял голову. Пуша уже лежала на диване, повернув морду в его сторону. Если бы она просто ушла, всё было бы понятнее. Но она осталась там, где он не мог расположиться рядом. Выходило, что запрет не исчез вместе с маминой рукой.

В кухне щёлкнул чайник. Мама поднялась за чашкой, а Бася, обнаружив неподалёку упавший бумажный обрезок, немедленно забыл о своей обиде.

Когда спустя час мама закрыла тетрадь, упражнение наконец было придумано. Не целиком. Только начало: ребёнку пяти-шести лет предстояло самому выбрать фигуру, ошибиться и проверить, подходит ли она к прорези в картонном домике. Мама оставила место на карточке для неожиданного ответа, которого сама ещё не знала.

Мама перечитала страницу и добавила на полях: «Дать время попробовать». В ту же минуту из-под шкафа послышалось упорное шуршание: Бася пытался загнать бумажный обрезок в узкую щель, то промахивался, то начинал снова.

— Ну что, исследователь. Получается?

Бася отступил, снова толкнул бумагу с другой стороны и наконец отправил её туда, куда хотел. Остался сидеть, глядя на пустую щель. Его добыча исчезла, и радость от решения задачи оказалась чуть короче, чем он рассчитывал.

Мама уже протянула руку, чтобы достать бумажку, но убрала её. Котёнок не просил помощи, в шкафу ничего опасного не было. Она допила остывший чай и успела дописать последнее предложение, прежде чем Бася нашёл себе новую задачу.

* * *

Вечером папа пришёл позже, чем обещал постараться.

Мама встретила его у двери, предварительно убедившись, что Бася находится под стулом. Папа снял ботинки и ненадолго остановился, прислонившись плечом к стене. От него пахло холодным воздухом, городской пылью и чем-то железным, как от дверей электрички.

— Как день? — спросила мама.

— Он всё ещё продолжается, — ответил папа. — Но я помню про ужин.

— Может, завтра?

— Нет. Сегодня. Только сначала пять минут посижу.

В гостиной Алиса уже приготовила рисунок. После разговора утром она добавила родителям большое общее окно, а рядом с ним нарисовала два крошечных квадрата: один для папиной сумки, другой для маминой тетради.

— Папа, смотри! Теперь у всех есть место.

Он сел на край дивана и попросил показать ближе. На этот раз Алиса не торопила его: держала лист за уголки и ждала, пока папа разберётся в маленьких окнах и лестницах.

— А это кто? — спросил отец, указав на чёрную точку у крыши.

— Бася. Он опять залез, куда не надо.

— Очень похоже на правду.

Отец засмеялся, но в кармане завибрировал телефон. Он глянул на экран; улыбка исчезла. Мама узнала этот взгляд и уже приготовилась остаться с ужином один на один. Папа поднялся было, потом убрал телефон в карман.

— Не будешь отвечать? — спросила мама.

— Позже. Мне сейчас показывают проект дома.

Алиса просияла. Бася, лежавший у отцовского ботинка, поднял голову: знакомый голос перестал быть усталым. Он подался ближе и ткнулся мордочкой в ладонь.

— И наш главный строитель здесь, — сказал отец, почесав его за ухом.

Через несколько минут папа действительно отправился на кухню. Ужин получился без особых кулинарных открытий: макароны, простая подливка и салат, который Алиса объявила «травой для людей». Отец обошёлся без маминых подсказок: впервые за долгое время обещанный ей час действительно состоялся. Но мама впервые за день смогла поставить на стол тетрадь и не закрывать её при каждом семейном вопросе.

— Покажи, что придумала, — попросил папа, когда Алиса ушла мыть руки.

Мама раскрыла страницу с кругами и квадратами.

— Я хочу, чтобы дети не просто повторяли за взрослым. Вот тут выбирают фигуру, вот тут пробуют вставить её, а если не получается — ищут другой способ.

— А если вообще ничего не получается?

— Тогда помогу. Но не сразу.

Папа рассмотрел рисунок картонного домика и предложил сделать в нём окошки разной формы. Мама сначала возразила, потом задумалась и пририсовала ещё одно отверстие.

Бася сидел возле стола и слушал. Папа задавал вопросы, мама отвечала не сразу: сначала примеряла их к своим карточкам. Они перебивали друг друга, возвращались к сказанному и вдруг смеялись. Коту нравилось это движение голосов, но присоединиться к разговору не удавалось.

Он мяукнул в наступившую паузу.

— Тебе тоже интересно? — спросил папа.

Бася приблизился к его колену. Человеческие голоса можно было слушать долго; хотелось, чтобы теперь один из них задержался на нём. Но папа лишь погладил котёнка и снова повернулся к тетради.

Ласка была приятной. И всё же после неё у стола стало чуть пусто, как будто Бася подошёл за чем-то ещё, но не сумел показать, что именно ему нужно.

— Мам, — сказала Алиса, вернувшись из ванной, — а можно твою игру проверить на мне?

Мама посмотрела на дочь, потом на отца.

— Вот это уже испытание, — сказала она и пододвинула карточки.

Мама не стала объяснять правильный ход. Она проверяла именно то, ради чего готовила упражнение: сможет ли ребёнок сам увидеть, что способ не работает. Ей самой трудно было

удержаться от подсказки: ещё утром она переписала это упражнение трижды, чтобы ребёнок мог искать решение, а не угадывать, чего ждёт взрослый.

Алиса выбрала круг, попыталась вставить его в квадратное окошко и сразу расхохоталась.

— Он не лезет!

— И что теперь? — спросила мама.

— Найду другой!

Алиса перевернула домик, осмотрела его со всех сторон и вдруг спросила: — А можно я нарисую окошко, которого тут ещё нет? Мама положила рядом чистый лист. Такого ответа в её первоначальном плане не было; оставалось выяснить, что придумает дочь.

Бася прижал лапой край одного из оставшихся листков. Фигуры на нём были неподвижны, зато рука Алисы то появлялась, то исчезала за столом. В конце концов он выбрал то, что двигалось, — завязку от её домашней кофты. Девочка предусмотрительно спрятала её за пояс.

Позднее мама сфотографировала домик и отправила снимок знакомой маме из садика, которая давно просила показать упражнения. Ответ пришёл, когда Алиса уже чистила зубы: «А можно попробовать с моим сыном? Ему как раз трудно, когда не выходит с первого раза». Мама перечитала сообщение, открыла календарь и пометила время возможной первой встречи. Только после этого позволила себе улыбнуться.

Следом знакомая прислала короткое видео: возле чужого подъезда полосатый котёнок бежал за женщиной, останавливался, когда она оглядывалась, и снова семенил следом. Под роликом было написано, что кошки сами выбирают, с кем им жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.